
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

К 100-летию В. П. Астафьева

Александр БАЛТИН

ВЕКТОР ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

Подростковое школьное сочинение было превращено им в рассказ «Васюткино озеро», появившийся, как и другие ранние рассказы В. Астафьева, в журнале «Чусовой рабочий»... Война и деревня — два вектора, сложно сошедшиеся в космосе писателя, определили силовое поле его прозы, ставшей значимой вехой в исто-

Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Испании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

рии русской литературы советского периода. «Стародуб», «Перевал», «Звездопад» словно собирались из тех камней, что можно встретить в лесах: лобастых, больших, покрытых мхом времени. Автобиографический «Перевал» так же вынут из жизни, как любой из пейзажей в этой повести, круто приправленных солью слов. Шероховатость и шершавость становились мощными средствами выразительности; и древесина прозы обрабатывалась своеобразно: со специально оставляемыми, необструганными фрагментами — чтобы ранили сильнее читательское восприятие, не давали возможности пройти мимо, врезались в память. Зоркость к деталям была необычайна: точно своеобразные окуляры направлены на действительность, дабы высветить самое характерное и дать через деталь многое. Живая плазма слов бурлила: казалось, мозг писателя переполнен ими, жаждущими свободы воплощения.

Взгляд на войну давался через восприятие простого солдата, на котором все и держится, иногда — младшего офицера. И обезличенный ванька-взводный, выдерживающий колоссальную нагрузку, что бы ни происходило, — уникальный собирательный образ Астафьева, знавшего окопную правду изнутри, как и наждачную ее сторону, резко и грубо обрабатывающую души.

«Царь-рыба» — роман в новеллах, повествование столь же глобальное, сколь и провидческое. В центре своем лелея Игнатъича, умелого и уважаемого в деревне рыбака-браконьера, разоблачает жадность, жажду наживы, затягивающую в омут потребления любой ценой. Разоблачает невозможное, потребительское отношение к природе, дающей жизнь, поющей сотнями голосов, производящей в том числе великолепных чудовищ, таких, как царь-рыба — осетр. Нечто безмолвно нависающее над нами; субстанция, определяющая жизнь настолько, что рассуждения о выборе выглядят вариантом байки. Царь-рыба плывет, доплеснув хвостом до звезд небесных, а брюхом касаясь волшебного Китежа, который никак не всплывет... Есть знаковая сила в том, что герой становится жертвой собственного промысла. И Игнатъич, вспоминая деда, рассказывавшего, что встреча с царь-рыбой может обернуться бедой, оценивает рассказ старика уже собственно судьбой.

«Царь-рыба» Астафьева, выстраиваясь блоками новелл, постепенно подводит к стержневому повествованию, давшему название книге, книге, сильно протертой в ладонях огромного опыта и просвеченной острыми лучами мастерства. Могучий осетр — подлинный царь речных вод — становится символом и природного величия, и таинственного замысла, силы, творившей любое естество. Человек, сделавшись заложником избыточного потребления, теряет собственную суть, требуя все большую и большую меру материальных благ; человек, разрывающий тончайшие связи с природой, обречен на ужасное блуждание в смысловых потемках, без прикосновения к правде, красоте, тотальной осмысленности бытия.

Потребление — бог и царь финала двадцатого века — выводит подданных своих на новые ступени в двадцать первом, еще более крутые, заставляющие не считаться ни с чем. История, произошедшая с Игнатъичем, так точно сфокусированная и ярко выписанная Виктором Астафьевым, в сущности, провидение: человек становится жертвою ловушек, расставленных им же...

Как плавно и величественно звучит природа в астафьевских описаниях! Сколько синевы в глубинах вод и тайной музыки в лесных дебрях! Сколько труда нужно положить, чтобы, вслушиваясь в недра природы, ощутить свою связь неразрывную со всем бликующим бесконечностью мирозданием... И мудрая царь-рыба, плеснув, уходит в тайну свою, призывая прислушаться к ней, как к вечности. Царственная рыба... Величественный осетр словно проплывает в огромнопространных небесах, плавностью

своих движений призывая к осветлению жизни, к изменению ее. Оказавшись в миллиметре от смерти, герой раскается в ворохах грехов, которые наваливал в реальность... «Царь-рыба» звучит мощным покаянным колоколом; и мир природы обретает в ней столько голосов, что заслушаешься хором.

...А вот взвод лейтенанта Бориса Костяева, который среди прочих соединений участвует в бою против прорвавшего оборону противника. Взвод, останавливающийся после боя на хуторе. Хозяйка дома — Люся. Описано краткое счастье любви в недрах продолжающейся войны — так строится сюжет «Пастуха и пастушки», пасторали, по определению писателя. Современной пасторали, уходящей жарким составом любви и тоски в вечность, где, может быть, уютнее, чем на земле... Пронизывали токи небесные тертые, мощные книги Астафьева, знавшего, по его словам, богословие весьма неплохо. Может, потому так согревают они теплом и лиризмом; даже тогда, когда, казалось бы, выхода нет...

Две полярные точки человеческого бытия — любовь и война, будучи совмещены, встроены в реальность под ракурсом «любовь на войне», — становятся вдвойне взрывными; немудрено, что повесть «Пастух и пастушка» перенасыщена эмоционально, чрезмерно наэлектризована, буквально ощущаешь разорванные метафизические искрящие провода, бьющие током. Просто и пронзительно строит Астафьев повесть — из силы и огня, радости и муки, жизни и смерти ясно и яростно выписывает ситуации, рожденные обстоятельствами, которым невозможно противостоять. Но нужно выстоять — и остаться человеком, помимо того, что — выстоять и победить... Вряд ли при таком надрыве и надломе психика останется целой, она будет искромсана, и сможет ли ее утешить любовь? В иных случаях — нет. Главный герой Борис Костяев умирает не от ранения — от страшного надрыва, взорвавшего психический строй его души.

Он — лейтенант, командир пехотного взвода. И он же Пастух, встретивший первую любовь посреди фронта, наполнившийся воспоминаниями о доме, малой родине, свете...

Как все просто и ясно и в то же время сильно и сложно; не сопереживать невозможно, как невозможно современному человеку представить всего, чем давила война даже выживших...

Прокляты и убиты...

Все затевающие войны, распри, смертоубийства будут прокляты и убиты. Это слова из одной из стихир старообрядцев. Среди новобранцев, прибывших в запасной полк, был и старообрядец — силач Коля Рындин. Был и блатной Зеленцов, и симулянт Петька Мусиков, и... и... Людская смесь, людская плазма, готовая к смерти, пока еще не прокляты и убиты те, кто затевают войны. Роман «Прокляты и убиты» не мог быть закончен, ибо деготь войны не смывался из памяти, и все новые и новые образы, выходявшие на сцену, чтобы погибнуть, подтверждали невозможность забвения.

Роман Астафьева не мог быть окончен, ибо проблемы, поднятые им, не решаемы в принципе, но мысль, проходящая через обе части романа огненной нитью, мысль о наказании Божиим людей посредством войны, была новостью. Особенно непривычно воспринималась она в свете биографии В. Астафьева — и человеческой, и писательской.

Повествование организует бесконечно ежеминутный, становящийся ежечасным, ежедневным, потом бытийным военный ритм — с жадными вшами и тощими пацанами — новобранцами в лютые зимы 1942–1943 годов... Жесткий ритм повествования завораживающий, втягивающий в себя так мощно, будто сам участвуешь в действе войны...

В центре — боеспособный, сплоченный коллектив, сформировавшийся из новобранцев, несмотря на постоянное недоедание, голод, холод, конфликты. И тут же командир, насмерть ногами забивающий доходягу. Наждачный натурализм потрясает. Как будто так не могло быть — но было же.

...Прокляты и убиты, прокляты и убиты — звучит как заклинание. И уже не понять, к кому относятся эти слова. И что они значили в старообрядческой стихире, даже богатырь Рындин не вспомнит. Сюжетная линия рвется, на описания боев наплывают описания довоенной жизни. А во второй части романа — «Плацдарм» — царит смерть... Путь из Чертовой ямы в нее обоснован и предсказуем... Вот только затевающие войны вновь жируют и не верят, что сами будут прокляты и убиты. Страшно звучание книги «Прокляты и убиты» — единственной в своем роде и... незаконченной. Продолжаясь в вечности памяти, которую, сколько ни затягивает искусственная мгла забвения войны, не затянет никогда.

Война и деревня — два противоположных полюса астафьевской прозы, и, как и положено в электромагнитном поле, они притягиваются друг к другу. Деревня Астафьева — оплот, корневое, земляное начало русской жизни. Война — людская плазма, разлетающаяся брызгами смертей, плазма, из которой рождается образ воина, обезличенного ваньки-взводного, что встанет, как в былинах, из гущины российской и выдержит все... Не случайно бабушка героя, писательского альтер-эго, из «Последнего поклона», детально восстановленной хроники детства, говорит: «...над всем народом надо поплакать».

А вот «Ода русскому огороду», столько веков бывшему не просто кормильцем — спасителем; ода, выписанная стройно и сочно, богато насыщенная и реалиями бытия, и эмоциями... Густая плоть астафьевской прозы!

И возвышается храм томов, возведенный им, уходит в метафизические небеса, не ветшая. Так и громоздятся они, пропущенные через жернова боли и просеянные через сито надежд, громоздятся, поражая целостностью своею, укрепляя действительность, все более охочую до развлечений и все менее заинтересованную в серьезном чтении. Война и деревня — два феномена русского бытия, определившие сияющий свод сочинений В. Астафьева, мир наполненных шершавой, наждачной правдой томов, из которых создан этот храм. В. Астафьев возводил его, мощно укрепляя своды, расширяя приделы, внося новые и новые детали. И храм этот велик, и через прозрачный его купол льются лучи вечности в феноменальное строение, созданное из книг.